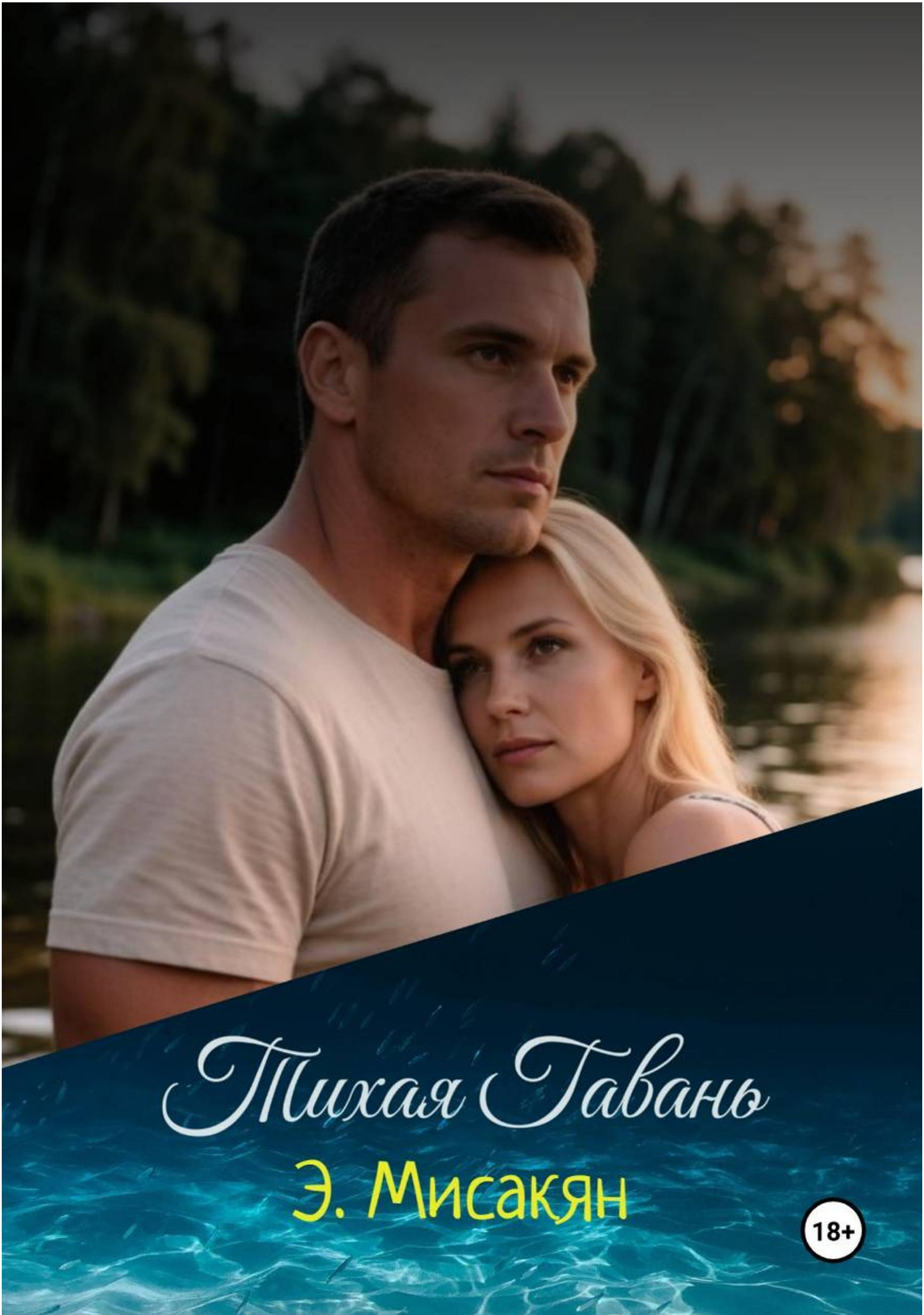

Тихая Гавань
Э. Мисакян
18+

Эдуард Мисакян

Тихая Гавань

«Автор»
2026

Мисакян Э. С.

Тихая Гавань / Э. С. Мисакян — «Автор», 2026

Это спокойная, атмосферная история о человеке, который после долгой гонки и внутреннего выгорания оказывается в тишине деревенского дома и постепенно возвращается к самому себе. Первая часть — о памяти места, доверии, осторожном чувстве и о том, как простая жизнь, запахи сада, разговоры и чужая история помогают вновь почувствовать себя живым. Главное здесь не события, а внутреннее движение героя: от усталости и привычки контролировать всё к простоте, теплу и готовности снова открыться другому человеку. Дом в этой истории становится не просто убежищем, а точкой встречи с прошлым, которое учит бережности и вниманию к чужой боли. Любовная линия развивается медленно, через недоверие и обиды, но именно эта осторожность делает чувство живым и честным. Финал первой части оставляет ощущение тихой надежды: герой находит не только место, где ему хорошо, но и людей, ради которых хочется остаться.

© Мисакян Э. С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 2. Следы прошлого. 7
Глава 4. Живая вода 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Эдуард Мисакян
Тихая Гавань

Тихая гавань

Часть 1. Дом у леса

Глава 1. Первое утро

В тридцать пять лет Максим впервые за долгое время проснулся сам. Когда он открыл глаза, солнце уже пробилось сквозь неплотно задёрнутые шторы и ложилось на пол тёплой полосой. Он полежал ещё минут десять, прислушиваясь к тишине. Не к той тревожной тишине пустого офиса, а к настоящей — густой, мягкой, в которой где-то далеко постукивал дятел, а ближе, под окном, шелестела листва.

Дом был двухэтажный, крепкий, срубленный из толстого бруса и обшитый светлой вагонкой. Друг не соврал: ремонт свежий, окна пластиковые, на первом этаже — просторная кухня-гостиная с камином, с двумя комнатами, на втором — три комнаты. Мебель простая, но добротная. За последние годы, что друг с семьёй ездил сюда, здесь всё обжилось, притёрлось, стало своим. А теперь — продаётся.

Территория была огорожена двухметровым забором — глухим, надёжным, без единой щели. Ворота открывались автоматически, с пульта, и Максим, подъезжая вчера, невольно отметил: сделано по-хозяйски, с умом. Для бывшего бойца, привыкшего контролировать пространство вокруг себя, это было приятной мелочью — здесь можно было не оглядываться.

Внутри, за забором, стояли сосны вперемежку с берёзами и елями — высокие, разлапистые, они давали тень и тот самый запах, от которого кружилась голова. Между деревьями примостилась беседка — деревянная, с резными перилами и широким столом. Максим сразу представил, как будет сидеть здесь вечером с кружкой чая, слушая, как ветер гуляет в кронах.

За домом начинался большой сад. Розы цвели вдоль дорожки — красные, белые, чайные; рядом пестрели герани и астры, а дальше рядами стояли фруктовые деревья — яблони, вишни, пара слив. Друг явно не запускал хозяйство: всё было подстрижено, прополото, ухожено. Максим, человек далёкий от садоводства, вдруг поймал себя на мысли, что ему захочется попробовать самому что-нибудь здесь вырастить.

Отдельно стоял гараж — и не какой-нибудь сарай с воротами, а шикарный, просторный, с бетонным полом, стеллажами по стенам и автоматическими воротами. Максим, ещё вчера оценив его в свете фар, присвистнул: сюда спокойно влезали две машины, да ещё оставалось место, чтобы развернуться или поставить верстак.

Он первым делом проверил связь — привычка бизнесмена, который не может позволить себе выпасть из жизни даже в отпуске. Достал ноутбук, открыл почту. Интернет работал на удивление хорошо: оптоволокно дотянули ещё в позапрошлом году, и скорость была такой, что хоть видеоконференции проводи. Он даже поймал себя на мысли, что зря боялся — можно и работать удалённо, если припрёт. Хотя нет. Он же сюда не работать приехал.

Он спустился на кухню, поставил чайник. На кухне к стене была прикреплена подставка, на которой стоял телевизор с зачехленным целлофаном экраном.

За окном — сосны, высокие, прямые, уходящие в небо. За ними, метрах в трёхстах, блестело озеро. Он знал, что оно там, потому что вчера, приехав уже в сумерках, всё равно пошёл проверить — не обманул ли друг. Не обманул. Вода чёрная, гладкая, и тишина такая, что слышно, как где-то плескалась рыба.

... Друг позвонил неделю назад, голос усталый: «Слушай, есть дом в Сосновке, сто километров от Москвы. Дом неплохой, ухоженный, хочу продать его, но пока не продал — живи сколько тебе надо. Ты же сам говорил, что выдохся». Максим тогда хотел сказать, что никуда

не поедет, что дел невпроворот. А потом посмотрел на свой календарь, забитый встречами до самого декабря, и понял: либо он сейчас остановится, либо его остановят.

Чайник щёлкнул. Максим налил кипяток, бросил пакетик. За окном дятел снова взялся за своё — упорно, методично, как он сам когда-то на тренировках. Он улыбнулся и подумал: «Ладно. Посмотрим, что тут можно сделать».

Глава 2. Следы прошлого.

Утром следующего дня Максим проснулся от холода — одеяло сползло, а форточка, которую он открыл на ночь, впустила в комнату свежий, почти осенний воздух. Он полежал, глядя в потолок, потом рывком поднялся — привычка, въевшаяся за годы тренировок. Тело само просило движения. Надел кроссовки, старые спортивные штаны, футболку, и в это время дверь у ворот открылась и во двор зашла женщина лет 50.

— Клавдия Петровна, — представилась она. — Сергей Михайлович говорил, что кто-то приедет, только не сказал, когда. Вот я и продолжаю ходить, как привыкла.

Она оглядела кроссовки, штаны и футболку без осуждения, скорее с любопытством.

— Розы без присмотра пропадут — сказала она, кивнув на кусты у забора. — Да и сад. Он ведь здесь редко бывает. А вы, значит, отдыхать? Надолго?

— Месяца на два, может, больше, — ответил он.

— Ну и хорошо. Вода в бочке у сарая, калитку запирайте на ночь, а то тут всякое ходят. И если что — я через день прихожу, так что не пугайтесь, если увидите меня в саду.

Он вышел за ворота и побежал по дороге вдоль леса.

Возвращаясь, он заметил на обочине следы — чьи-то ботинки, не его. Кто-то ходил здесь рано утром. Или вчера вечером. Максим машинально отметил направление — в сторону соседнего участка, который виднелся метрах в ста за забором. Там тоже стоял дом, но окна были занавешены, и вчера вечером свет не горел. «Надо будет познакомиться», — подумал он и прибавил шагу.

Максим вошёл в гараж, нашёл в гараже старый колун и решил, что надо запастись на вечер, раз есть камин, и стал колоть дрова. Работа шла хорошо, тело помнило нагрузку, мышцы приятно гудели. Он как раз отложил очередное полено, когда услышал за воротами шорох.

Обернулся. У калитки стоял старик в старой куртке и резиновых сапогах, с корзинкой в руке. Седой, сутуловатый, но с живыми, внимательными глазами.

— Здравствуйте, — сказал Максим, подходя. — Вы к кому?

— Да вот, мимо шёл, — старик кивнул в сторону леса. — Смотрю, машина новая стоит. Дай, думаю, загляну. Вы что, новый хозяин?

— Пока гость. Друг попросил пожить, пока дом не продан.

Старик хмыкнул, поставил корзинку на землю. В ней лежали грибы — крепкие, белые, с коричневыми шляпками.

— Грибы вот собрал — сказал он. — А вы, я смотрю, дрова колете. Хозяйственный, значит. Это хорошо. Тут без хозяйского глаза всё зарастает.

Он помолчал, потом добавил:

— Я Фёдор Ильич, с соседней улицы. Если что нужно — обращайтесь. Только вот что скажу: дом этот хороший, продавать его — дело нехитрое. Найдётся покупатель — найдётся и забота. Вы уж присмотритесь, прежде чем друг ваш его продаст.

С этими словами он поднял корзинку, кивнул и пошёл обратно к лесу. Максим смотрел ему вслед, потом вернулся к дровам. Слова старика почему-то засели в голове.

После этого Максим решил осмотреть дом основательнее. Вчера он только прошёлся по первому этажу, а на второй поднялся лишь мельком. Теперь, с чашкой чая в руке, он поднялся по лестнице и открыл дверь в дальнюю спальню — ту, что выходила окнами в сад.

Комната оказалась больше, чем он думал. На стене, как и на кухне, висел телевизор. Но обои на стенах были старые. У окна стоял старый письменный стол, а на нём — стопка книг и потёртая тетрадь в кожаном переплёте. Максим открыл её. Это оказался дневник. Не его друга — почерк был женский, аккуратный, с наклоном. На первой странице — дата пятилетней давности и имя: «Аня».

Он пролистал несколько страниц. Записи короткие, бытовые: «Посадила розы у беседки», «Сегодня был первый снег, укрыла георгины», «Странно, но здесь дышится легче». Максим закрыл тетрадь и положил на место. Он не любил лезть в чужое, но что-то в этих строчках зацепило. Он ещё постоял у окна, глядя на сад, потом спустился вниз.

Глава 3. Тайна старого сундука

После обеда Максим надел старые перчатки, которые нашёл в гараже, и пошёл в сад. Солнце припекало, но в тени деревьев было прохладно. Он прошёл мимо розовых кустов, мимо яблонь, мимо беседки — и остановился там, где сад заканчивался и начинались густые заросли смородины и крыжовника.

Кусты разрослись так, что образовали почти сплошную стену. Максим раздвинул ветки, шагнул вперёд — и чуть не споткнулся о что-то твёрдое под ногами. Опустился на корточки, разгрёб старую листву и увидел железную крышку, вросшую в землю. На ней — ржавое кольцо. Он потянул за него. Крышка поддалась с трудом, но всё же отошла в сторону, открыв тёмный квадрат — люк.

Максим посветил телефоном. Вниз уходила узкая металлическая лестница. Пахнуло сыростью, землёй и чем-то ещё — старым деревом, что ли. Он постоял секунду, прислушиваясь. Тихо. Только где-то капала вода.

Спустился. Внизу оказался небольшой погреб — сухой, с бетонными стенами и полками по периметру. На полках стояли банки с закрутками — варенье, компоты, соленья. Всё аккуратно подписано, с датами. Последняя — три года назад. Максим провёл пальцем по пыльному стеклу.

В углу стоял старый сундучок, обитый жестью. Максим присел, попробовал открыть — заперт. Он достал из кармана связку ключей. Первый не подошёл, второй тоже. Третий, маленький и тёмный, повернулся с тихим щелчком. Внутри лежали фотографии. Чёрно - белые, выцветшие, с неровными краями. На них — дом, каким он был много лет назад: без сайдинга, с покосившимся крыльцом. На крыльце стояла женщина в платке, рядом — двое мальчишек.

Один из них, постарше, держал удочку. Максим перевернул фотографию. На обороте карандашом: «1978. Сосновка. Первый улов».

Под фотографиями лежала папка с бумагами — старые квитанции, письма, какие-то справки. И ещё одна тетрадь, похожая на ту, что он нашёл наверху, но старше, с пожелтевшими страницами. На первой странице — имя: «Анна Петровна».

Максим закрыл сундук, поднялся по лестнице, вылез наружу. Закрыл люк, присыпал листвой — как было. Вернулся в дом, сел на кухне и открыл тетрадь.

Первые страницы были заполнены рецептами — варенье из крыжовника, компот из райских яблок, солёные грузди. Потом пошли записи, такие же короткие, как в дневнике наверху: «Сегодня посадила первую яблоню», «Мальчики приехали на выходные, пекла пирог», «Серёжа сказал, что хочет здесь жить, когда вырастет».

Максим оторвался от тетради. Серёжа. Тот самый Сергей, его друг. Значит, это его бабушка или мать. И дом этот — не просто «дача, которую пора продать». Это место, где прошло его детство. Вот почему он просил не выбрасывать вещи. Вот почему голос у него был такой, будто он прощается с чем-то большим, чем просто стены.

Максим закрыл тетрадь и положил её на стол. За окном дятел снова взялся за своё. Он улыбнулся, но как-то невесело. «Ладно, — подумал он. — Теперь понятно, почему ты не хочешь сюда приезжать».

Он взял телефон, хотел набрать Сергею, но передумал. Положил трубку на стол, налил себе ещё чаю и открыл тетрадь снова.

Он читал до самого вечера. Тетрадь оказалась не дневником в привычном смысле — скорее хозяйственной книгой, куда Анна Петровна записывала всё, что касалось дома и сада. Когда посадила, когда обрезала, когда ждала внука в гости. Между строк — целая жизнь.

Ближе к концу записи стали короче и реже. «Что-то сил нет», «Серёжа звонил, обещал приехать весной», «Розы подмёрзли, но ничего, отойдут». Последняя запись была сделана три года назад, тем же почерком, но буквы уже дрожали: «Продавать не надо. Пусть стоит. Здесь дышится легче».

Максим закрыл тетрадь. За окном стемнело, в саду зажглись первые звёзды. Он посидел ещё немного, потом взял телефон.

Сергей ответил после третьего гудка. Голос был сонный.

— Макс? Ты чего так поздно?

— Извини. Не разбудил?

— Да нет, я так, прикорнул. Что случилось?

Максим помолчал, подбирая слова.

— Серёж, я тут в саду нашёл кое-что. Погреб за кустами. Сундук. Фотографии, тетрадь. Анна Петровна писала.

На том конце провода стало тихо. Так тихо, что Максим услышал, как где-то у Сергея на фоне тикают часы.

— Ты открыл сундук — сказал наконец Сергей. Это был не вопрос.

— Открыл. Там ключи были, в коробочке, в беседке. Я не знал, что это твоё.

— Да я и сам забыл, что там. — Сергей вздохнул. — Бабушка умерла два года назад. Я приезжал, разбирал вещи, но до погреба так и не дошёл. А потом как-то… — он замолчал, подыскивая слово, — не до этого стало.

— Почему ты хочешь продать дом? — спросил Максим напрямую.

Сергей не ответил сразу. Было слышно, как он встал, прошёлся по комнате, скрипнула дверца шкафа.

— Потому что я туда не езжу — сказал он наконец. — Уже давно не езжу. Стоит, зарастает. Я плачу за него налоги, за свет, за охрану. Но сам туда не могу. Понимаешь? Приезжаю — и всё, как будто она сейчас выйдет на крыльцо. Я думал, время пройдёт, станет легче. Не стало.

Он помолчал.

— А ты там как? Нормально?

- Да нормально, природа – класс, дом ухоженный. В общем, всё как-надо

Максим посмотрел на тетрадь, лежащую на столе.

— Она написала в конце: «Продавать не надо. Пусть стоит».

Сергей долго молчал. Потом сказал тихо:

— Да. Я знаю. Она мне это говорила несколько раз.

— И что ты хочешь сделать?

— Не знаю. — Голос у Сергея был усталый, но уже не такой напряжённый, как в начале разговора. — Я думал, ты там поживёшь, присмотришься, скажешь, как оно. Может, и правда не надо продавать. Может, надо просто... чтобы там кто-то жил.

Максим побарабанил пальцами по столу. За окном в темноте шумели сосны.

— Слушай, — сказал он. — Давай так. Я здесь поживу. За это время я посмотрю, что нужно поправить. Крышу там, забор, сад. Может, и правда стоит оставить. А если продавать — то не сейчас, не в спешке. Ладно?

— Ладно, — сказал Сергей. — Спасибо, Макс.

— Не за что. И это… приезжай, на денек. Просто приезжай.

Сергей не ответил, но Максим услышал, как он выдохнул — длинно, будто сбросил что-то с плеч.

— Может, и приеду — сказал он. — Когда-нибудь. Ладно, давай, поздно уже.

Он положил трубку. Максим ещё посидел на кухне, потом встал, налил себе воды, выглянул в окно. В саду, у беседки, в свете луны белели розы. Он подумал, что завтра надо будет их обрезать.

«Ладно, — подумал он. — Начнём с роз. А там посмотрим».

Глава 4. Живая вода

Утром Максим первым делом взял секатор и пошёл к розам. Обрезал сухие ветки, убрал старые листья, подрыхлил землю вокруг кустов. Работа была простая, и он не заметил, как прошёл час. Солнце поднялось выше, в саду запахло нагретой землёй и сладким — розы ещё цвели, хоть и вполсилы.

Затем он прошел дальше, ближе к дальнему забору, там, где сад переходил в запущенный угол с высокой травой и старыми кустами сирени.

Он пошёл туда. Трава была ему по колено, местами выше. Пришлось раздвигать руками густые стебли, чтобы не наступить на что-нибудь. Метрах в десяти от забора он увидел сруб — серый, вросший в землю, с деревянной крышкой и ржавым воротом. Цепь свисала вниз, на конце — старое ведро, тёмное от времени.

Максим подошёл, снял крышку. Пахнуло сыростью и холодом. Он посветил телефоном вниз. Вода была близко — метра четыре, не больше. Чёрная, гладкая, как зеркало. Он бросил вниз камешек. Звук был глухой, короткий — вода есть, и её много.

На срубе, с внутренней стороны, он заметил вырезанные буквы. Присмотрелся. «А. П. 1978». Анна Петровна. Тот же год, что и на фотографии. А на крыше колодца он увидел надпись - «Тихая гавань». «Тихая гавань» - произнес он вслух, а потом подумал: «Ну что, не плохо».

Максим покрутил ворот. Тот скрипнул, но поддался. Цепь пошла туго, с ржавым скрежетом, ведро медленно поползло вниз. Он опустил его до воды, услышал, как оно булькнуло, и потянул обратно. Ведро поднялось полное — вода была холодная, прозрачная, с лёгким запахом железа.

Он сделал глоток. Вода оказалась мягкой, почти сладкой. Такой не было в Москве из-под крана. Он напился прямо из ведра, потом умылся. Стало легче — будто смыл с себя остатки городской суеты.

За спиной хрустнула ветка. Максим обернулся. У сирени стоял Фёдор Ильич, с той же корзинкой, но теперь пустой.

— Нашли всё-таки — сказал старик, подходя. — Бабушкин колодец. Хороший. Анна Петровна за ним следила, чистила каждый год. Говорила, вода в нём живая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.